

МИРНЫЙ ДОГОВОР КАК ИНСТРУМЕНТ ЛЕГАЛИЗОВАННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ПРИМЕНЕНИЯ*

УДК 341.01

СОНА МАНТАШЯН

соискатель кафедры международного и европейского права
Российско-Армянского университета,
г.Ереван, Республика Армения
sona.mantashian@gmail.com

В данной статье с помощью ретроспективного историко-правового анализа международного права представляются и анализируются различные методы принуждения, осуществляемые в рамках заключения мирных договоров посредством ратификации, вовлечения в миротворческий процесс третьих лиц, правосубъектности договаривающейся стороны и пр. Применение подобных методов, в отличие от классических методов принуждения, выраженных в явных формах применения силы, вопрос законности которых на протяжении развития международного права не был однозначным и претерпел различные изменения, давало возможность скрыть наличие дефекта в согласии договаривающихся сторон и создать гарантии исполнения закрепленных обязательств, устраняя опасность возможных попыток оспаривания действительности достигнутых соглашений в будущем. Таким образом, методы принуждения требуют отдельного детального исследования, исключительно на основе которого возможно сделать выводы о том, был ли нарушен принцип свободы согласия договаривающихся сторон, и только затем толковать нормы заключенных ими договоров в контексте права, действующего на том или ином историческом отрезке времени. Вышесказанное особо актуализируется с учетом многочисленности заключенных в период отсутствия запрета на угрозу силой или ее применения и сохраняющих силу по сей день мирных договоров, которые представляют интерес для международного сообщества как с юридической, так и политической точек зрения.

Ключевые слова: свобода согласия, мирный договор, принуждение, волеизъявление, договор, применение силы, государство, недействительность.

Воля сторон на вступление в договорные отношения не всегда имела одинаковое значение и применение в международном праве. Так, первые упоминания о воле договаривающихся сторон можно обнаружить в Римском праве древнейшего периода (VI – середина III вв. до н. э.). На данном историческом этапе право, всецело проникнутое принципами формализма в ущерб содержанию, придерживалось подхода, согласно которому лицо, принявшее на себя обязанность по договору, должно было его выполнить вне зависимости от обстоятельств его заключения. Сделка, совершенная под влиянием принуждения или силы, сама по себе считалась действительной.³⁷⁰ Римские юристы придерживались концепции: «Coactus tamen volui», что означало: хоть и под давлением,

* Հոդվածը ներկայացվել է 11.05.2019թ., գրախոսվել՝ 20.05.2019թ., տպագրության ընդունվել՝ 17.06.2019թ.:

³⁷⁰ И.Б. Новицкий, Римское право, Воля и выражение воли, Теис, Москва, РФ, 2012, с. 167.

под принуждением, но все-таки волю свою он выразил.³⁷¹ Это было делом лица, вступавшего в сделку – подчиниться угрозе или противостоять насильственной силе. По мере развития права возрастающее значение начало придаваться содержанию выраженного согласия. Одна из первых идей относительно содержательной стороны волеизъявления государств была выражена в начале XVI века Франсиском де Витория (1483-1546 гг.), утверждающим, что договаривающееся государство на момент заключения договора должно быть свободным.³⁷² Еще через век Гуго Гроций (1583-1645 гг.), придерживаясь терминологической и концептуальной связи с римским правом, скажет о недозволительности подписания договора под влиянием страха, вызванного у договаривающегося лица его контрагентом.³⁷³ Еще позже, во второй половине XVIII века, аналогичный подход будет поддержан Эмер де Ваттелем (1714-1767 гг.), согласно которому, договор действителен в том случае, если процесс его подписания не содержит дефектов.³⁷⁴ В XIX веке Каспар Блюнчли (1808-1881 гг.) в поддержку данной концепции давал следующее объяснение « [...] государство не связано подписью государя, если действие его руки обусловлено применением насилия против него [...] ». ³⁷⁵ Описанный подход находил свое подтверждение и на практике: договоры со ссылкой на заключение под принуждением признавались международным сообществом недействительными. Примерами таких договоров были Мадридский договор от 14 января 1526 года, Договор о разделе Польши от 5 августа 1772 года, Байонский договор от 15 июня 1808 года, Договор между Францией и Голландией от 16 марта 1810 года, Бардоский договор от 12 мая 1881 года, Договор о финансовом, экономическом развитии и мире в Гаити от 16 сентября 1915 года, Японо-корейский договор о протекторате от 17 ноября 1905 года, Договор о протекторате Богемии и Моравии от 15 марта 1939 года, Договору между Великобританией и Ирландией от 6 декабря 1921 года и пр. Большинство из вышеперечисленных договоров так и не были исполнены по указанным основаниям. Пройдя долгий путь развития и преобразований, окончательное оформление и закрепление принципа свободы договора было воплощено в Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года. В своей преамбуле конвенция подчеркивает всеобщее признание принципа свободы согласия и в качестве инструмента защиты данного принципа в статье 51 отрицает юридическую значимость согласия государства, выраженное в результате принуждения его представителя, а статьей 52

³⁷¹ **P. Bonfante**, *Istituzioni di diritto romano*, 8th ed., 1925 by Milan Vallardi; § 6; (см.по Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, 2011, p.1179.)

³⁷² **F. Vitoria**, *Depote state civili*, 1528, § 21; (см.по Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, *Oxford Scholarly Authorities on International Law [OSAIL]*, 2011, p. 1179.)

³⁷³ **H. Grotius**, *The Law of War and Peace*, 1625, Book II, chapter XII, Sect. 10; translated by T. Nugent, revised by J. V. Prichard, 1914; (см.по Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, *Oxford Scholarly Authorities on International Law [OSAIL]*, 2011, p. 1179.)

³⁷⁴ **E. Vattel**, *The Law of Nations or Principles of the Law of Nature Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns*, Amsterdam, 1758, Book II, Chapter XII, § 157; (см.по Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, *Oxford Scholarly Authorities on International Law [OSAIL]*, 2011, p. 1180.)

³⁷⁵ **O. Corten, P. Klein**, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, см.по Olivier Corten, Pierre Klein, *The Vienna Conventions on the Law of Treaties: A Commentary*, Book 1, *Oxford Scholarly Authorities on International Law [OSAIL]*, 2011, p.1182.)

закрепляет ничтожность договора, заключенного в результате угрозы силой ее применения.³⁷⁶

Таким образом, с момента вступления конвенции в силу недействительность договоров, заключенных под принуждением, не нуждается в доказывании. Однако, как было отмечено выше, на предшествующем этому событию длительном историческом отрезке времени значимость принципа свободы согласия, как и практика его применения были неоднородными. Классическими нарушениями этого принципа были угроза силой или ее непосредственное применение. Однако особый интерес представляют наименее явные способы нарушения рассматриваемого принципа, которым к тому же сторона его нарушающая придает легализованное оформление. Подобное можно более всего наблюдать на различных фазах изменений курса международного права в пользу постепенного отказа от угрозы силой и ее применения в качестве инструмента разрешения международных споров. Как ни парадоксально, в качестве одного из таких инструментом служил мирный договор. Ведь сам термин «мирный договор», казалось бы, по своей сути противопоставляется каким бы то ни было формам проявления насилия: этимология слова «мир» (“peace”) происходит от классического латинского “pacem” или “pax”, что переводится как «мирный договор, спокойствие, отсутствие войны».³⁷⁷ Тем не менее способы применения одноименного документа в целях сокрытия принуждения были достаточно разнообразными. В данной связи, с точки зрения исследования, проводимого в рамках этой статьи, в условиях отсутствия запрета на угрозу силой или ее применения, классический способ принуждения, применяемый победившей стороной над побежденной в целях заключения насильственного мира на наиболее выгодных для победившей стороны условиях, являясь, скажем так, классикой жанра данного периода, не нуждается в дополнительном рассмотрении. Наибольший интерес представляют методы, которые *per se* являясь правовыми, использовались в рамках заключения мирных договоров в целях сокрытия и легализации применяемого над другой стороной принуждения. Рассмотрим некоторые из них.

Обязательства, закрепляемые в мирных договорах периода позднего средневековья, можно разделить на две основные группы: личные обязательства суверенов как фактических сторон договора, которые должны были быть исполнены в их личном качестве, и обещания суверенов использовать свою власть в целях исполнения договора его подданными.³⁷⁸ Согласно обещаниям, несмотря на то, что договор был согласован между правителями, он также должен был быть применен к их территориями, подданными и союзниками.³⁷⁹ Иными словами, заключение и исполнение договоров находилось в правосубъектности суверена, соответственно, территории и подданные могли стать носителями прав или обязанностей по тому или иному договору лишь опосредованно, исключительно через выражение соответствующей воли суверена. Подобная практика имела место быть вплоть до начала XVI века. Похожее положение дел наблюдалась и в вопросе волеизъявления наследника суверена, в части того, должен ли был им исполняться договор, заключенный его предшественником. В качестве соответствующей гарантии исполнения в договоре закреплялось обещание суверена, согласно которому, он заключал договор в том числе от имени своих наследников. Для

³⁷⁶ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, преамбула, ст. 51, 52.

³⁷⁷ Online Etymology Dictionary <https://www.etymonline.com/search?q=peace> (датаобращения: 15.04.2019 г.)

³⁷⁸ R. Lesaffer, *Peace Treaties and International Law in European History, From he Late Middle Ages to World War One*, Hanna Vollarth, *The Kiss of Peace*, p. 19.

³⁷⁹ R. Lesaffer, *Peace Treaties and International Law in European History, From he Late Middle Ages to World War One*, Hanna Vollarth, *The Kiss of Peace*, p. 18. // *Peace treaty of Madrid, January 14, 1526, art. 1; Peace treaty of Vervenis, May 2, 1598, art. 1.*

договоров особой важности, в основном договоров сецессий, в подкрепление данного сувереном обещания применялся институт «параллельной» ратификации: договор подписывался также наследниками, правителями находящихся в подданстве территорий и пр.).³⁸⁰ В некоторых случаях, согласно условиям договора, он должен был сохранять обязательную силу для наследника в течение одного года после смерти подписавшего его суверена, по истечении которого новый правитель мог вновь его заключить или отказаться от заключения.³⁸¹ По существу, наследники, как квазиви́д третьих лиц, выступали не только в качестве гарантов, но и непосредственных носителей прав и обязанностей по договору, вне зависимости от наличия или отсутствия согласия последних. Таким образом, основываясь на двух вышеописанных процессах и подходах, можно сделать вывод о том, что, во-первых, право рассматриваемого периода не содержало прямой обязанности подданных, правителей подданных территорий и наследников исполнять и подчиняться условиям заключенного сувереном договора. Во-вторых, суверен обладал властью наложить на них соответствующие обязательства вне зависимости от их на то согласия. Такое положение дел являлось прямым следствием наличия договорной правосубъектности исключительно у суверена, а не государства как такового, и свидетельством движения вертикали власти сверху вниз. Отметим, что с развитием международного права такое положение дел подверглось существенным изменениям. Обладателем международной правосубъектности начало признаваться государство, а не его правитель, последний становился лицом, выражающим волю государства и отождествлялся с ним в международно-правовых отношениях. Вместе с тем широкое признание и закрепление получил принцип *pacta sunt servanda*. Вышесказанное привело к тому, что закрепление обязательности договора для подданных и наследников постепенно стало исчезать из текстов договоров.

Следующий способ, который будет здесь рассмотрен, связан с вовлечением в подписание мирного договора третьей стороны, что получило широкое распространение еще с XV века. Наименьший интерес с точки зрения исследования, проводимого в рамках данной статьи, представляет вовлечение государства, не преследующего личные интересы, как правило, вовлеченного с обоюдного согласия всех заинтересованных сторон и преследующего цель мирного урегулирования конфликта или соблюдения норм международного права. При условии нейтральности, последовательности и легитимности институт третьей стороны не нуждается в рамках данного исследования в дополнительном рассмотрении. Несколько иначе обстоят дела в случаях, когда третья сторона обладает собственным интересом в миротворческом процессе – наблюдается явное нарушение чистоты процесса. Особым проявлением сказанного является ситуация, когда в качестве третьей стороны мирного договора привлекается государство, имевшее непосредственное вовлечение в вооруженный конфликт, на урегулирование которого направлено предстоящее заключение договора. В данном случае граница между первой и третьей стороной и, соответственно, выраженной ими волей, более чем размыта. Ситуация еще более усложняется, когда третья сторона разделяет интересы одной из непосредственных сторон миротворческого процесса. Возникает риск, обратный тому, который преодолевался оговоркой о всеобщем мире: распространяясь на союзников, в том числе тех, которые не были открытыми сторонами конфликта, подобная оговорка лишала их возможности возобновления военных действий и выступала в качестве меры обеспечения достигнутого мира. Так, посредством вовлечения в миротворческий процесс

³⁸⁰ R. Lesaffer, *Peace Treaties and International Law in European History, From the Late Middle Ages to World War One*, Hanna Vollarth, *The Kiss of Peace*, p. 21. // *Peace treaty of Madrid, January 14, 1526*, art. 1; *Peace treaty of Madrid, November 16, 1630*; *Treaty of London, 1518*, art. 1.

³⁸¹ R. Lesaffer, *Peace Treaties and International Law in European History, From the Late Middle Ages to World War One*, Hanna Vollarth, *The Kiss of Peace*, p. 21. // *Peace treaty of Madrid, January 14, 1526*, art. 44.

третьей стороны, разделяющей интересы одной из непосредственных сторон конфликта, имело место быть нарушение баланса сил и равенства сторон в данном процессе. Применение силы переносилось с поля боя за стол переговоров, оформляя принуждение к определенным действиям в легальную форму договора.

Легализация принуждения с использованием мирного договора имела место также в двухсторонних отношениях. В период классического международного права, с 1648 по 1919 годы, мирные договоры подтверждали закрепленный Вестфальской системой принцип суверенного равенства правителей, позже государств, оставляя народы за рамками международной правосубъектности. Международная правосубъектность последних возникла лишь во второй половине XX века. В связи с вышесказанным парадоксальным является то обстоятельство, что еще задолго до указанного периода между государствами и народами заключались мирные договоры. Так, например, только в Соединенных Штатах Америки в период с 1778 по 1868 гг. было подписано более 367 договоров с индейцами. Очевидец этих событий гуманист и защитник коренных американцев Генри Бенджамин Уипл (1822-1901гг.) описал события следующим образом «...наше первое общение с дикарями [...] было одной из тех ошибок, что хуже преступления. Мы признали кочующие племена независимой суверенной нацией. Мы отправили послов заключать с ними договоры, как с равными нам, зная, что каждое условие договора было нашим собственным условием, что те, с кем мы заключаем договор не могут нас вынудить его соблюдать [...] зная, что они не являются субъектами права [...] и ничего не получают от нас».³⁸² Тожественная позиция разделялась и Советом индейских уполномоченных, который в 1869 году был наделен со стороны Конгресса полномочиями осуществлять совместный с Министерством внутренних дел контроль как за политикой в отношении индейцев, так и непосредственно над индейцами. Председатель Совета Феликс Брыюнот в своем первом ежегодном отчете высказал от имени Совета позицию осуждения проводимой в отношении индейцев политики США и представил рекомендации по ее реформированию, в частности, открыто заявляя, что такие методы «являются посягательством против цивилизации и прогрессивного движения эпохи».³⁸³ Помимо официальных осуждений, рассматриваемая практика заключения договоров столкнулась с рядом практических проблем: Верховный суд США в толковании указанных договоров последовательно придерживался принципа, согласно которому «все вызывающие сомнения выражения должны разрешиться в пользу слабого и незащитного народа», «договоры не должны читаться как обыкновенные договоры, согласованные сторонами, действующими на расстоянии вытянутой руки с равной переговорной позицией», особенно в случаях, когда договор касается передачи территорий.³⁸⁴ Вышеописанный способ легализации принуждения был наилучшим образом проиллюстрирован американским историком Френсисом Пол Пручем (1921-2015 гг.) в представленной им диаграмме отношений государства с коренными народом.³⁸⁵ Согласно его теории, цикл начинает развиваться с переговорного этапа, затем на

³⁸² **H. B. Whipple**, *Lights and Shadows of a Long Episcopate*, Macmillan Company, New York, US, 1899, 50-53, 24, 138-140 (см. по Francis Pol Prucha, *American Indian Treaties, The history of Political Anomaly*, University of California Press, London, England, 1997, p. 290).

³⁸³ **C. L. Slattery, F. R. Brunot**, 1820-1898: *Civilian in the War for the Union, President of the First board of Indian Commissioners*, Longmans, Green, and Company, New York, US, 1901, p. 56 (см. по Francis Pol Prucha, *American Indian Treaties, The history of Political Anomaly*, University of California Press, London, England, 1997, p. 291.).

³⁸⁴ **F. P. Prucha**, *American Indian Treaties, The history of Political Anomaly*, University of California Press, London, England, 1997, p. 386. // *McClanahan v. Arisona State Tax Commission*, 411, USA, 1973, p.173-175.

³⁸⁵ **F. P. Prucha**, *American Indian Treaties, The history of Political Anomaly*, University of California Press, London, England, 1997, p. 289-310.

основании права вступления в договорные отношения формируется этап приобретения международной правосубъектности, а в результате ее «осуществления» посредством вступления в международные договорные отношения и непосредственно заключения договора происходит утрата правосубъектности и возвращение отношений с коренными народами в сферу внутригосударственных отношений. Такой механизм отношений наглядно демонстрирует применение принуждения и осуществления процессов колонизации, оформленных в мирные инструменты разрешения международных споров. За миротворческим процессом продолжает скрываться насильственное принуждение. Данное объяснение рассматриваемого механизма в своих исследованиях также разделяет профессор Энтони Анги (1961г.), который назвал подобные процессы «попыткой превратить колонизацию в легальный процесс».³⁸⁶ Вышеуказанный механизм также можно описать парадоксом Мишеля Фуко «конституция оправдывает общество, оправдывающее конституцию»,³⁸⁷ только в обратном направлении: нация, пользуясь наделенной правосубъектностью, вступает в договорные отношения, в результате чего теряет ее и прекращает существование.

Аналогичная ситуация применения договора как инструмента сокрытия принуждения наблюдалась и в период деколонизации. Государство-колонизатор считало необходимым заключить договор с субъектом, не обладающим на момент его заключения международно-правовой правосубъектностью, чтобы народы смогли выйти на международную арену в качестве полноправных участников международного общения. Процесс деколонизации в истории международного права принято считать положительным прогрессом развития. Тем не менее нельзя не заметить, что подобного рода договоры касались не только форм выхода из колониального господства, но и ставили бывшего колонизатора в положение лица, участвующего в формировании конституционного строя нового государства. Факт того, что переговоры по деколонизации не были простым процессом по согласованию условий выхода из колониального господства, отражен в определении деколонизации Джона Харгривза как «намерение прекратить формальный политический контроль над колониальными территориями и заменить его некоторыми новыми отношениями».³⁸⁸ Подобный подход был продемонстрирован в ходе заключения таких договоров, как, например, договор от 1921 года между Великобританией и ирландскими лидерами, согласно которому Ирландия должна была получить одинаковый с другими владениями содружествами статус; или подписанный в 1967 году между Соединенным Королевством и Национальным фронтом освобождения оккупированного южного Йемена Меморандум согласованных пунктов, касающихся независимости Южной Аравии. Документ предусматривал прекращение британского суверенитета над Южной Аравией и создание нового государства Народная республика Южный Йемен.

Как мы смогли убедиться, нарушение принципа свободы согласия может проявляться не только посредством классических методов принуждения, выраженных в явных формах применения силы. Международное сообщество на различных этапах развития международного права прибегало к разнообразным способам принуждения, оформленным в мирные договоры, чем создавало гарантии исполнения закрепленных обязательств и устраняло опасность возможных попыток оспаривания действительности достигнутых соглашений в будущем. Таким образом, методы принуждения требуют отдельного детального исследования, исключительно на основе которого возможно

³⁸⁶ C. Bell, *On the Law of Peace. Peace Agreements and Lex Pacificatoria*, Oxford University Press, New York, US, 2008, p. 89.

³⁸⁷ C. Bell, *On the Law of Peace. Peace Agreements and Lex Pacificatoria*, Oxford University Press, New York, US, 2008, p. 89.

³⁸⁸ C. Bell, *On the Law of Peace. Peace Agreements and Lex Pacificatoria*, Oxford University Press, New York, US, 2008, p. 97.

сделать выводы о том, был ли нарушен принцип свободы согласия договаривающихся сторон, и только затем толковать нормы заключенных ими договоров в контексте права, действующего на том или ином историческом отрезке времени. Вышесказанное особо актуализируется с учетом многочисленности заключенных в период отсутствия запрета на угрозу силой или ее применения и сохраняющих силу по сей день мирных договоров, которые представляют интерес для международного сообщества как с юридической, так и политической точек зрения.

ՀԱՇՏՈՒԹՅԱՆ ՊԱՅՄԱՆԱԳԻՐԸ ՈՐՊԵՍ ՀԱՐԿԱԴՐԱՆՔԻ ՕՐԻՆԱԿԱՆԱՑՄԱՆ ԳՈՐԾԻՔ. ԿԻՐԱՌՄԱՆ ՈՐՈՇ ՄԻՋՈՑՆԵՐԸ

ՍՈՒԱ ՄԱՆԹԱՇՅԱՆ

*Հայ-ռուսական համալսարանի միջազգային և
եվրոպական իրավունքի ամբիոնի հայցորդ,
բ.Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

Սույն հոդվածում միջազգային իրավունքի ռետրոսպեկտիվ պատմաիրավական հետազոտման միջոցով ներկայացվում ու հետազոտվում են հարկադրանքի տարատեսակ մեթոդներ, որոնք իրականացվում են հաշտության պայմանագրերի կնքման շրջանակներում վավերացման, հաշտության գործընթացին երրորդ անձանց ներգրավմամբ, պայմանավորվող կողմի իրավասուբյեկտության միջոցներով և այլն: Նման մեթոդների կիրառումը, ի տարբերություն ուժի կիրառման դասական ձևերի, որոնց օրինականության հարցը միջազգային իրավունքի զարգացման ընթացքում միանշանակ չի եղել և կրել է տարբեր փոփոխություններ, հնարավորություն է տվել թաքցնել արատների առկայությունը պայմանավորվող կողմերի համաձայնություններում և ստեղծել ամրագրված պարտավորությունների կատարման երաշխիքներ՝ վերացնելով ձեռք բերված պայմանավորվածությունների վավերության վիճարկման հնարավորությունը ապագայում: Այսպիսով, հարկադրանքի մեթոդները պահանջում են առանձին մանրամասն ուսումնասիրություն, որի հիման վրա կարելի է եզրակացություններ անել այն խնդրի շուրջ, թե արդյոք խախտվել է պայմանավորվող կողմերի համաձայնության ազատության սկզբունքը, և միայն դրանից հետո մեկնաբանել կնքած պայմանագրերի նորմերը՝ տվյալ պատմական ժամանակաշրջանում կիրառելի իրավունքի համատեքստում: Վերոհիշյալը հատկապես արդիական է դառնում հաշվի առնելով ուժի կամ ուժի սպառնալիքի կիրառման արգելի բացակայության շրջանում կնքված և մինչ օրս ուժը պահպանած բազմաթիվ խաղաղության պայմանագրերի առկայությունը, որոնք միջազգային հանրության համար հետաքրքրություն են ներկայացնում ինչպես իրավական, այնպես էլ քաղաքական տեսանկյուններից:

Բանալի բառեր՝ *համաձայնության ազատություն, հաշտության պայմանագիր, հարկադրանք, կամահայտնություն, պայմանագիր, ուժի կիրառում, պետություն, անվավերություն:*

PEACE TREATY AS TOOL OF LEGALISED COERCION: SOME METHODS OF APPLICATION

SONA MANTASHYAN

Russian-Armenian University,

PhD Student of the Department of International and European Law,

Yerevan, Republic of Armenia

In this article, through retrospective historical-legal analysis of international law, various methods of coercion carried out in the framework of the conclusion of peace treaties through ratification, third parties involvement in the peace process, legal personality of the contracting party, etc are presented and analyzed. The use of such methods, unlike the classical methods of coercion expressed in explicit forms of the use of force, the issue of the legality of which was not straightforward and underwent various changes during the development of international law, made it possible to hide the defect in the consent of the contracting parties and create guarantees of performance of the fixed obligations, eliminating risks of possible challenging validity of agreements reached in the future. Thus, the methods of coercion require separate detailed study, only on the basis of which it is possible to draw conclusions about whether the principle of freedom of consent of the contracting parties was violated, and only then interpret the norms of the treaties concluded by them in the context of the law valid for a particular historical period. The abovementioned is particularly actual taking into account the large number of valid peace treaties concluded in the absence of prohibition of threat or use of force and which are under of interest of the international community from both legal and political points of view.

Key words: *free consent, peace treaty, coercion, expression of will, treaty, use of force, state, invalidity.*